ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.84-96

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Н.В. Самсонов^{1,2}, В.В. Русских^{1,3}

*¹Ростовский филиал Российской таможенной академии,
г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия*

*²Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия*

*³Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, 344003, Россия*

Аннотация

В настоящей статье проанализирован отечественный опыт и опыт Республики Казахстан по нормативному закреплению системы источников права. На сегодняшний день определение перечня используемых в Российской Федерации источников (форм) права представляется довольно сложной процедурой, вызывает оживленную дискуссию, что само по себе является парадоксальным обстоятельством, поскольку правоприменитель не должен пребывать в сомнении относительно того, в какой «упаковке» содержатся нормы права. Отмечается, что нормативное закрепление системы источников права даст четкие ориентиры при поиске нормы права, подлежащей применению в конкретном деле, упростит принятие решений в случае юридических коллизий. Представляется целесообразным использовать опыт Республики Казахстан в части нормативной фиксации исчерпывающего перечня источников национального права, творчески его интерпретировать и развивать.

Ключевые слова: источники права, формы права, иерархия источников права, нормативный правовой акт, принципы права, нормативный правовой договор, правовой обычай

Одной из еще не до конца изжитых проблем отечественного сравнительного правоведения (да и не только, думается, отечественного) является своего рода «европоцентризм» или «американоцентризм» – ориентация при поиске вариантов решения проблем национального права прежде всего на юридический опыт государств Западной Европы и США. При этом правовая реальность государств других регионов планеты (особенно «молодых» стран) часто игнорируется, не воспринимается как заслуживающая пристального внимания, рассматривается как глубоко вторичная, представляющая собой лишь копию (более или менее удачную) какой-то западной модели. Такой стереотип воз-

ник, разумеется, отнюдь не на пустом месте: действительно, правовые системы «новых» государств обычно формировались под сильным влиянием западных образцов, что выразилось в многочисленных заимствованиях устоявшихся правовых решений. В то же время подобный подход обедняет, упрощает наблюдаемую правовую действительность, приводит к определенной зашоренности, лишает законодателя, знакомящегося с результатами научных исследований, возможности оценить все многообразие вариантов решения какой-то юридической проблемы, имеющих в мире.

В настоящий момент в законодательстве ряда государств, ставших независимыми относительно недавно, можно найти немало интересных положений. Многие из них уже избавились от инфантильно-бездумного восприятия западных юридических моделей в качестве безупречных конструкций, перешли ко взвешенному подходу, сочетающему учет как передового мирового опыта, так и национальных особенностей. Законодательство таких государств часто соответствует самым последним требованиям юридической техники, вбирает в себя и проверенные временем, и передовые наработки, чего нельзя иногда сказать о многих базовых нормативных правовых актах «классических» правовых систем, так как некоторые из них из-за их возраста впору причислять к «памятникам права». Не стоит забывать, что юридический опыт, например, стран СНГ может оказаться для нас особенно полезным, учитывая «генетическую связь» наших правовых систем, схожесть проблем, возникающих перед нашими государствами. Современное законодательство государств-участников СНГ по многим направлениям гармонизировано, чему способствует, в частности, деятельность Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ по созданию модельных законодательных актов и рекомендаций. В рамках Евразийского экономического союза происходят процессы, которые можно назвать правовой унификацией (по крайней мере в части регулирования отдельных видов общественных отношений – в сфере таможенного дела, например). Указанные обстоятельства позволяют нам оценить степень эффективности тех или иных нововведений государств – участников СНГ в условиях, максимально приближенных к параметрам отечественной правовой системы.

Если преодолеть своего рода «юридический снобизм», то может оказаться, что какие-то «находки» наших соседей будут очень полезными для нас, принимая во внимание то обстоятельство, что подобные заимствования, скорее всего, быстро и безболезненно «приживутся» в отечественной правовой системе.

Одним из таких любопытных решений, на которые стоит, как представляется, обратить внимание, является закрепление перечня признаваемых источников права в обновленной в 2022 г. Конституции Республики Казахстан 1995 г. (КРК) В ч. 1 ст. 4 Конституции Казахстана указывается, что «действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Суда и Верховного Суда Республики». Не будем оценивать, насколько этот список совпадает с реально существующим (например, в нем нет правового обычая). Внимание стоит обратить на сам факт закрепления в основном законе государства реестра форм права.

Сама идея о нормативной фиксации перечня источников права видится вполне здоровой и перспективной. Таким образом можно решить сразу несколько проблем. Во-первых, появляется абсолютная четкость, кристальная ясность для правоприменителя в вопросе о том, в какой «оболочке» могут находиться нормы права, где он будет их искать. Во-вторых, перечисление возможных форм права можно (и нужно) снабдить указанием на их соотношение по юридической силе на случай коллизии между ними.

В настоящий момент определение перечня используемых в Российской Федерации источников (форм) права не представляется простым занятием и вызывает оживленную дискуссию [1, с. 93–105], что само по себе является парадоксальным обстоятельством с учетом того, что правоприменитель не должен пребывать в сомнении относительно того, в какой «упаковке» содержатся нормы права.

Не вызывает споров отнесение к российской системе форм права трех источников: нормативного правового акта, нормативного правового договора и правового обычая. Упомянутые «контейнеры» для норм права предусмотрены в российском законодательстве, но, в отличие от казахстанской модели, в нормативных правовых актах разного уровня.

Некоторые источники права закреплены в законодательстве России прямо и недвусмысленно. Например, так обстоит дело с нормативным правовым актом – основным для нашей правовой системы источником права. В нормах российской Конституции 1993 г. (КРФ) мы можем найти указание, разумеется, на саму Конституцию, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства России. Упомянутые в Конституции России и нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В то же время о существовании закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации мы узнаем из акта, обладающего меньшей, чем сама Конституция, юридической силой – Федерального закона от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (ФЗ № 33).

В Конституции, федеральных законах мы не найдем положений, касающихся нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Их вид, структура, требования к содержанию, порядок принятия и вступления в силу регламентируются подзаконными актами, причем разной юридической силы (от указов Президента России до ведомственных нормативных правовых актов). В этой связи стоит обратить внимание на положения Конституции Азербайджанской Республики (КАР), устанавливающие систему нормативных правовых актов этого государства. В ч. 1 ст. 148 Конституции Азербайджанской Республики закрепляется комплекс нормативных правовых актов, составляющих систему национального законодательства, причем в статье используется такой прием юридической техники, как перечень (акты выстроены в пронумерованный список: конституция, акты, принятые на референдуме, законы и т. д.). Очевидно, что порядок расположения актов в списке определяется их юридической силой, впрочем, авторы основного закона в ст. 149 посчитали нужным специально определить соотношение перечисленных документов.

Нормативные правовые договоры тоже упоминаются в российском законодательстве как источник права. Такая разновидность договора нормативного содержания, как международный договор, указывается в ч. 4 ст. 15 Конституции России. Упоминаются в Конституции России и внутригосударственные нормативные договоры. Нужно иметь в виду, что речь в нормах Конституции идет о разных внутригосударственных договорах. Так, в ч. 4 ст. 11 Конституции Российской Федерации говорится о договорах о разграничении предметов ведения и полномочий (интересно, что в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ФЗ № 414) они сейчас именуется чуть иначе – «договоры о разграничении полномочий»; мы видим несоответствие используемых в Конституции и отраслевом законодательстве терминов); в ст. 66 Конституции России ведется речь о договорах между органами власти автономных округов с органами государственной власти края или области, в состав которых они входят (такой договор можно рассматривать как частный случай договора о разграничении полномочий, а можно и как особый вид внутригосударственного нормативного договора); в ст. 78 Конституции России упоминаются соглашения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче полномочий.

К числу «бесспорных» источников большинства отраслей российского права принято относить и правовой обычай. При этом никакого упоминания в Конституции России о правовом обычае найти не удастся. Чтобы определить возможность опоры на обычай как источник права мы вынуждены обращаться к нескольким нормативным правовым актам более низкой юридической силы. Например, к ст. 5 или п. 1 ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) (ГК РФ). Отсылку к обычаям содержат, например, ч. 3 ст. 70, ч. 2 ст. 129, ч. 2 ст. 285, ч. 1 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 19 октября 2023 г.) (КТМ РФ); ч. 1 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) (ГПК РФ); ч. 1 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) (АПК РФ).

Определенное неудобство состоит в том, что актов, содержащих положения, санкционирующие обычаи, несколько. Нам приходится самостоятельно определять, нормы каких отраслей права могут находиться в оболочке правового обычая, а какие – нет. Таким образом создается почва для споров. Например, существует ли конституционный обычай в рамках российской правовой системы? Что представляет собой судебный обычай? [2, с. 261–280]. При закреплении системы источников права все спорные вопросы, касающиеся «ареала» распространения правового обычая в России, могли бы тоже быть детально проработаны.

К числу дискуссионных источников российского права относятся принципы права. Все правоведы отмечают их важнейшее ориентирующее значение для законодателя и правоприменителя, рассматривая их как своего рода «каркас» системы нормативных установлений государства. Однако в отношении

вопроса о том, могут ли они выступать в качестве источника права, нет единства во мнениях.

С одной стороны, опору судьи исключительно на принципы осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогию права) допускает ч. 5 ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.), а также ч. 4 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.). В ч. 4 ст. 15 Конституции России отмечается, что общепризнанные принципы международного права являются частью правовой системы России (в то же время являться составной частью правовой системы и выступать в качестве источника права – все же не тождественные состояния). Иными словами, вроде бы соблюдается самый надежный критерий выделения источника права – использование его как основы для судебного решения. С другой стороны, если принцип закреплен в нормативном правовом акте, то источником права здесь выступает именно нормативный правовой акт, содержащий норму-принцип.

По мнению ряда исследователей, у принципов права отсутствует собственная «телесность». Так, К.В. Ведяхина отмечает, что принципы права собственной формы выражения лишены, они обладают формой того акта, составной частью которого являются [3, с. 20]. Н.В. Самсонов указывает, что сами по себе принципы международного права в качестве источников права рассматривать не нужно – источником права являются внешние формы, в которых они закреплены [4, с. 20]. Другие авторы допускают мысль о том, что принципы права, которыми руководствуется правоприменитель, вовсе не обязательно должны найти свое отражение в нормах действующего законодательства. Так, например, Л.С. Явич утверждал, что некоторые принципы права могут какое-то время функционировать в судебной практике и правовых обычаях, не будучи выраженными в законодательстве [5, с. 149–150]. Фактическую роль источника права признает за принципами права А.В. Смирнова [6, с. 7].

Оживленные споры вызывает вопрос о существовании таких источников российского права, как юридический прецедент или судебная практика. Одни ученые утверждают, что юридический прецедент давно «проник» в нашу правовую систему и вполне в ней «обжился». Например, Б.С. Эбзеев рассматривал решения Конституционного Суда в качестве источника права, формирующего прецеденты, имеющие нормативно-регулирующее значение [7, с. 7–12]. А.Л. Бурков указывает на существование источников административного права России, которые носят «правоприменительно-правотворческий характер» [8, с. 8]. Н.В. Самсонов рассматривает постановления Конституционного Суда Российской Федерации как особый вид источников права, не относящийся к судебным прецедентам [9, с. 8]. Другие авторы категорически отрицают саму возможность создания судами норм права. Противником наделения судей правотворческими функциями является, например, В.С. Нерсесянц, полагающий, что подобная деятельность противоречит самой природе суда [10, с. 28].

Не пытаясь оценить аргументы каждой из сторон, можно отметить, что закрепление в законодательстве перечня источников права с легкостью разрешит и этот вопрос, не оставив недомолвок, двусмысленности (вроде той, что некое

правовое положение, сформулированное высшим судебным органом, формально не обязательно, но на практике воспринимается как руководство к действию).

Таки образом, можно констатировать, что сам по себе список форм российского права вызывает споры. Обилие и «разновекторность» точек зрения сбивают правоприменителя с толку, лишают его четких ориентиров. При этом те источники права, что принадлежат к числу «бесспорных», закрепляются в нормативных правовых актах различного уровня (к слову, возникает вопрос: может ли существование какого-то источника права «задаваться» подзаконным нормативным правовым актом, например указом Президента России?). Далекое не всегда очевидным выглядит соотношение различных источников права.

Побочным эффектом указания в законодательстве исчерпывающего списка форм права станет прекращение бесконечных споров в научной среде по некоторым проблемам, приобретающих иногда форму своего рода “holy war”.

Итак, представляется целесообразным, опираясь на опыт наших соседей в части закрепления перечня источников права, реализовать подобное решение и в нашей правовой системе.

Это можно сделать тремя путями. Во-первых, способом, похожим на казахстанский вариант, – указав в Конституции России все допустимые в правовой системе «вместилища» для правовых норм. Да, существуют некоторые препятствия технического плана: по своему значению подобная норма должна находиться в главе первой Конституции России, но внесена туда быть не может из-за невозможности изменения этой главы. Однако авторы поправок к Конституции России 2020 г. уже довольно изящно преодолевали подобные затруднения, отыскивая в третьей главе Конституции России «подходящие» позиции для норм, чье «штатное» место по логике вещей – в первой или второй главах Конституции (например, положения, содержащиеся в ст. 67.1 или в п. «ж.1» ч. 1 ст. 72, ч. 5 и 6 ст. 75). Иными словами, эта проблема – решаемая.

Как один из вариантов «расселения» норм права, устанавливающих элементы российской системы источников права, можно назвать ст. 71, 72 и 73 Конституции России. Установление после перечня вопросов, относящихся к исключительному ведению Российской Федерации, совместному ведению Российской Федерации и ведению субъектов Российской Федерации, четкого набора форм права, в которых могут закрепляться нормы, регулирующие эти вопросы, кажется вполне логичным. Еще один «кандидат» на размещение реестра источников права – ст. 76 Конституции России. В конце концов, можно добавить в главу третью Конституции России новую статью, полностью посвященную системе источников права (например, под номером 76.1).

Второй вариант – обойтись без поправок к Конституции России, приведя такой реестр источников права в специальном законе. Уже давно обсуждается необходимость принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах», несколько вариантов законопроекта было подготовлено. На федеральном уровне отсутствие такого закона приводит к существованию неопределенности в ряде вопросов. Например, могут ли являться распоряжения Президента России нормативными правовыми актами с учетом того, что распоряжения Правительства России в соответствии с Федеральным конституционным законом от 6 ноября

2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ФКЗ № 4) норм права содержать не могут (ч. 2 ст. 5 ФКЗ)? Какова юридическая природа поручений Президента России? Могут ли все-таки указы Президента России издаваться по вопросам, требующим законодательного регулирования, в отсутствие федерального закона – для восполнения пробела в праве? Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П (Пост. КС № 11-П) содержит правовую позицию о том, что при соблюдении ряда условий такая практика не противоречит Конституции России, но тогда в законе следует установить четкие параметры допустимости подобного подзаконного нормотворчества.

Нет полной ясности и в системе нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Так, вызывает вопросы формулировка п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (ред. от 19 февраля 2024 г.) (ППРФ № 1009): «Нормативные правовые акты издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации». Что имеется в виду под «законодательством»? Допустимо ли издавать нормативные правовые акты других видов, установленных подзаконными актами – нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти? Например, Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвержденные Приказом МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 (ред. от 1 августа 2022 г.), предусматривают, в частности, издание таких видов нормативных правовых актов, как уставы и наставления (п. 10 Положения) (ПМВДФ № 484). Являются ли все пять видов актов равными по юридической силе? Могут ли инструкции, положения и правила издаваться сами по себе, а не в виде приложений к приказам и постановлениям? Так, скажем, п. 5 Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, утвержденных Приказом Минюста России от 31 августа 2023 г. № 222 (ПМЮРФ № 222), устанавливает, что «правила, инструкции и положения, утвержденные приказом или постановлением, не являются самостоятельными видами актов».

Федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» мог бы унифицировать и систему нормативных правовых актов ее субъектов. В настоящее время во многих субъектах Российской Федерации действуют законы, устанавливающие систему региональных нормативных правовых актов, но единого стандарта здесь нет.

Размышляя о специальном законе, регламентирующем виды российских нормативных правовых актов, можно представить себе и более широкую сферу его регулирования: в таком законе можно было бы зафиксировать все используемые в России источники права и, что немаловажно, закрепить их соотношение с друг с другом по юридической силе.

Наконец, можно комбинировать оба указанных выше приема: закрепить перечень форм права в Конституции, который будет детализироваться в специальном законе.

Преимущество закрепления системы источников в нормах основного закона – стабильность форм права. Еще большую «прочность» этому элементу несущих конструкций правовой системы, разумеется, сообщает нахождение такого перечня в «защищенном» от изменений разделе конституции государства, но в наших условиях необходимость фиксации реестра источников права едва ли может служить основанием для принятия новой конституции.

Как представляется, следует пойти дальше и указать место каждого источника на иерархической лестнице.

Нельзя, разумеется, утверждать, что сейчас выбор в ситуации противоречия между нормами, находящимися в разных источниках права, сделать невозможно, но в некоторых случаях для этого придется приложить некоторые усилия. В настоящий момент коллизионные нормы, позволяющие установить соотношение различных источников права в тех или иных ситуациях, «разбросаны» по всему законодательству, а в некоторых случаях правоприменитель вынужден в ситуации юридической коллизии обращаться и к актам судебных органов. Так, например, соотношение норм федерального закона и ратифицированного Российской Федерацией международного договора нам становится известным из ч. 4 ст. 15 Конституции России. Но в ней ничего прямо не говорится о соотношении норм самой Конституции с положениями международного договора, что дает повод предполагать, что сама Конституция России, являясь по своей природе законом, тоже должна соответствовать международным договорам. А ведь это важнейший вопрос, базовый, от которого зависит то, как вообще выглядит вся конструкция правовой системы. Разрешить его поможет обращение, например, к Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (Пост. КС № 12-П). Правовая позиция Конституционного Суда России в данном случае недвусмысленна: международные договоры не выше Конституции России по юридической силе и даже не равны ей. В то же время юридическая природа содержащихся в постановлениях Конституционного Суда России правовых позиций сама по себе является предметом споров.

Конституция Российской Федерации прямо не обозначает юридическую силу внутригосударственных нормативных договоров. Для того чтобы определить соотношение федерального закона и договора о разграничении полномочий, придется обратиться к ч. 8 ст. 50 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 15 мая 2024 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ФЗ № 414), который уравнивает юридическую силу федерального закона и договора о разграничении полномочий. Из положений, содержащихся в ст. 51 указанного закона, можно сделать вывод, что соглашения между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации о передаче полномочий имеют юридическую силу подзаконного нормативного правового акта (правда, в законе не сказано какого). Но, поскольку они должны утверждать-

ся постановлением Правительства России, можно сделать вывод, что их юридическая сила равна силе постановлений Правительства Российской Федерации. Однако четко этот момент в законе не прописан, что теоретически может привести к ситуации спора о приоритете того или иного источника права.

Неоднозначным можно считать вопрос о соотношении правового обычая с иными источниками права. Необходимо констатировать единодушие ученых относительно иерархии норм, содержащихся в правовом обычае и нормативном правовом акте, – правовой обычай рассматривается как субсидиарный источник права (в дополнение к закону); обычаи, противоречащие закону, не применяются (п. 2 ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации). В случае противоречия какого-то обычкновения закону мы, строго говоря, не можем говорить о существовании правового обычая, поскольку придание обычаю свойства нормы права осуществляется путем санкционирования государством. Предполагается, что возможность опираться на обычай при регулировании некоторых общественных отношений законодатель допускает только в отношении правил, соответствующих положениям действующего законодательства. В то же время ст. 9 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) (КООН) разрешает использование сторонами договора любого обычая, в отношении которого они договорились, а при отсутствии договоренности предполагается применение к договору широко известного в мировой торговле обычая. Может ли какое-то неписаное правило, используемое в международных торговых отношениях, теоретически противоречить федеральному закону? Является ли разрешение опираться на обычай, предоставленное международным договором, более «высоким» уровнем санкционирования обычая, чем разрешение, данное федеральным законом?

Указание в Конституции России или в специальном федеральном законе места каждого из источников права на иерархической лестнице значительно упрощает принятие решений в случае юридических коллизий. Правоприменитель, в распоряжении которого будут все коллизионные нормы, собранные в одном месте, будет вооружен четкими инструкциями относительно того, какой выбор надлежит делать в случае противоречия различных источников права. Число правоприменительных ошибок, связанных с вынесением решения с опорой на «неправильный» источник, будет стремиться к возможному минимуму.

Таким образом, представляется целесообразным перенять опыт Республики Казахстан в части нормативной фиксации исчерпывающего перечня источников национального права, творчески его интерпретировав и развив. Это, несомненно, окажет благотворный эффект на самые разные аспекты механизма правового регулирования в России.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

КРФ – Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г., с изм. от 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2020. № 27. Ст. 4196.

- КООН – Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11 апр. 1980 г.) // Вестн. Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 1994. № 1.
- КРК – Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., с изм. от 1 янв. 2023 г.) // Вед. Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4. Ст. 217.
- КАР – Конституция Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution>, свободный.
- ФКЗ № 4 – Федеральный конституционный закон от 6 нояб. 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
- ФЗ № 33 – Федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- КТМ РФ – Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
- АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
- ФЗ № 414 – Федеральный закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
- ПППРФ № 1009 – Постановление Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009 (ред. от 19 февр. 2024 г.) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. С. 389.
- ПМВДРФ № 484 – Приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 (ред. от 1 авг. 2022 г.) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102102954&intelsearch=%CF%F0%E8%EA%E0%E7+%CC%C2%C4+%D0%D4+%B9+484>, свободный.
- ПМЮРФ № 222 – Приказ Минюста России от 31 авг. 2023 г. № 222 «Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309010043>, свободный.
- Пост. КС № 11-П – Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апр. 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. N 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
- Пост. КС № 12-П – Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

Литература

1. *Голубцов В.Г., Валеев Д.Х.* Современная дискуссия об источниках гражданского процессуального права // *Ex Jure*. 2022. № 2. С. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>.
2. *Самсонов Н.В.* К вопросу о судебных обычаях и обыкновениях // *Вестн. гражданского процесса*. 2020. Т. 10, № 3. С. 261–280. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-261-280>.
3. *Ведяхина К.В.* Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 255 с.
4. *Самсонов Н.В.* Система источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 622 с.
5. *Явич Л.С.* Сущность права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 207 с.
6. *Смирнова А.В.* Принципы права в системе источников современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 24 с.
7. *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // *Государство и право*. 1998. № 5. С. 5–12.
8. *Бурков А.Л.* Акты судебного нормоконтроля как источник административного права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 35 с.
9. *Самсонов Н.В.* Акты конституционного правосудия как источники российского гражданского процессуального права // *Право. Журнал ВШЭ*. 2023. Т. 16. № 1. С. 70–93. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.1.70.93>.
10. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 560 с.

Поступила в редакцию 15.09.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Самсонов Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета¹, доцент кафедры процессуального права²

¹ Ростовский филиал Российской таможенной академии
пр. Буденновский, д. 20, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия

² Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
ул. Пушкинская, д. 70, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия
E-mail: samsonov@yandex.ru

Русских Валерий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин¹, доцент кафедры теории и истории государства и права²

¹ Ростовский филиал Российской таможенной академии
пр. Буденновский, д. 20, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия

² Донской государственный технический университет
ул. Гагарина, д. 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Россия
E-mail: valeriirus@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 6, pp. 84–96

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.84-96

**Defining the List of Sources of Law within a Normative Framework
as a Strategy for Strengthening Certain Aspects of Russia's Legal System**

N.V. Samsonov^{a,b}, V.V. Russkikh^{a,c**}*

¹*^aRostov Branch of Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, 344002 Russia*

^b*South Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, 344002 Russia*

^c*Don State Technical University, Rostov-on-Don, 344003 Russia*

*E-mail: *samsonov@yandex.ru, **valeriirus@gmail.com*

Received September 15, 2024; Accepted November 20, 2024

Abstract

This article outlines the practices of Russia and the Republic of Kazakhstan concerning the development of a normative framework that defines the system of sources of law. In Russia, the effort to create a clear and explicit list of sources (forms) of law has been a longstanding and widely discussed issue, which is, however, a paradox, as law enforcers should know the “format” or framework in which legal norms are articulated and have no doubt about it. The results of the study demonstrate that establishing a robust normative framework for defining the system of sources of law would offer clear guidance when determining legal norms applicable in specific cases and would streamline the decision-making process in situations of legal conflicts. Additionally, it could be advantageous to draw on the experience of the Republic of Kazakhstan in normatively defining a complete list of sources of national laws, provided that its approach is thoughtfully interpreted and creatively adjusted.

Keywords: sources of law, forms of law, hierarchy of sources of law, normative legal act, principles of law, normative legal contract, legal custom

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. Some recent debates on the sources of civil procedure. *Ex Jure*, 2022, no. 2, pp. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>. (In Russian)
2. Samsonov N.V. On judicial customs and judicial habits. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 261–280. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-3-261-280>. (In Russian)
3. Vedyakhina K.V. Basic moral ethical and sociopolitical principles of Russian law. *Cand. Law Diss.* Volgograd, 2001. 255 p. (In Russian)
4. Samsonov N.V. The system of sources (forms) of civil procedure in the Russian Federation. *Doct. Law Diss.* Moscow, 2021. 622 p. (In Russian)
5. Yavich L.S. *Sushchnost' prava* [The Essence of Law]. Leningrad, Izd. LGU, 1985. 207 p. (In Russian)
6. Smirnova A.V. The principles of law in the system of modern Russian law sources. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Moscow, 2020. 24 p. (In Russian)
7. Ebzeev B.S. Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: Theoretical and practical issues. *Gosudarstvo i Pravo*, 1998, no. 5, pp. 5–12. (In Russian)

8. Burkov A.L. Review of the constitutionality of legal norms as a source of administrative law. *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* Tyumen, 2005. 35 p. (In Russian)
9. Samsonov N.V. Acts of constitutional justice as sources of Russian civil procedural law. *Pravo. Zhurnal VShE*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 70–93. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.1.70.93>. (In Russian)
10. Nersesyants V.S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow, Norma, NITs INFRA-M, 2015. 560 p. (In Russian)

Для цитирования: Самсонов Н.В., Русских В.В. Нормативное закрепление перечня источников права как способ совершенствования отдельных аспектов российской правовой системы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 6. С. 84–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.84-96>.

For citation: Samsonov N.V., Russkikh V.V. Defining the list of sources of law within a normative framework as a strategy for strengthening certain aspects of Russia's legal system. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 84–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.6.84-96>. (In Russian)